

Шишкина Олимпиада Петровна

**Прокопий Ляпунов или
Междоцарствие в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-54

О-54 **Олимпиада Петровна Ш.**
Прокопий Ляпунов или Междоцарствие в России / Шишкина Олимпиада
Петровна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 240 с.

ISBN 978-5-521-31243-6

ISBN 978-5-521-31243-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

—

Грѣхъ же ради нашихъ ничтожъ намъ успѣваше..... Нѣмецкіе же люди почаща сердитися и умышляти.

Литонись о многихъ мятежахъ.

Ты зри главу мою, лишенную волосъ,
Ихъ изсушила грусть, и вѣтеръ ихъ
разнесъ.

Владиславъ Озеровъ.

Заслуги людей истинно великихъ не ограничиваются ихъ жизнію, слава ими пріобрѣтенная, и мудрыя ихъ соображенія, часто и по кончинѣ ихъ, при недостойныхъ преемникахъ, еще охраняютъ отечество. Не смотря на общій ропотъ воиновъ, опечаленныхъ и раздраженныхъ назначеніемъ князя Шуйскаго преемникомъ князя Михаила, первыя дѣйствія ихъ были счастливы. Послѣ же—

стокаго кровопролитія, Ржевъ, Старица, Зубцовъ Волоколамскъ, и нѣкоторые другіе города отняты были у Поляковъ, и они до того были уstraшены этимъ, что самъ Король, упорно осаждавшій Смоленскъ, въ надеждѣ, что взятіе онаго доставитъ ему обладаніе всею Россіею, усомнившись въ успѣхѣ своихъ предпріятій, рѣшился предложить миръ. Нельзя было совершенно положиться на искренность сего предложенія, но безразсудно было отвѣчать на него презрительно. Къ несчастію, все зависѣло отъ князя Дмитрія Шуйскаго, и онъ, надменный побѣдами, въ которыхъ самъ не имѣлъ никакого участія, вообразилъ съ обыкновеннымъ своимъ легкомысліемъ, что ни чѣмъ не можетъ лучше угодить державному брату своему, и притомъ увѣрить Поляковъ, что имъ грозитъ совершенная гибель, не только отказался принять коморника Слизня, отправленнаго въ Москву, со своеручнымъ письмомъ Сигизмундовымъ, но еще строго предписалъ князю Андрею Васильевичу Голицыну не допускать въ Можайскъ гонцовъ королевскихъ, пока не придетъ извѣстіе, что снята осада Смоленска, и Польскія войска удалились изъ Россіи.

Гордясь особенною къ нему милостію Сигизмунда, и собственными дарованіями, панъ Слизень не воображалъ, что его посольство будетъ

имѣть такой конецъ. Напротивъ того, отправляясь въ путь, онъ твердо надѣялся умножить въ Москвѣ число людей расположенныхъ возвести на престолъ Польскаго принца, и убѣдить самаго Царя назначить Владислава своимъ преемникомъ; а можетъ быть еще при жизни уступить ему вѣнецъ. Озлобленный поступкомъ Царскаго брата, тщеславный коморникъ, во все продолженіе обратнаго пути своего придумывалъ, чѣмъ онъ можетъ наиболѣе побудить короля отмстить за обиду ему нанесенную. Онъ рѣшительно объявилъ, что многочисленное Московское войско не только не опасно, но что самое его многолюдство уничтожаетъ его силу; что между разноплеменными ратниками вовсе нѣтъ единодушія, и между тѣмъ какъ иноземцы готовы перейти на сторону всякаго, кто дороже имъ заплатитъ, сами Русскіе, ненавидя Шуйскихъ, отнюдь не намѣрены за нихъ жертвовать жизнию. Извѣстія эти, оказавшіяся совершенно справедливыми, разсѣяли уныніе овладѣвшее Польскимъ совѣтомъ, и надежда счастливо продолжать войну вмѣстѣ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія воспламенила всѣ умы. Король Польскій, малая прозорливость котораго можетъ навсегда служить пословицею, въ послѣдствіи, такъ сказать изъ рукъ уронившій Царскій вѣнецъ, по возвращеніи Слизня, наконецъ повѣ-

рилъ, что находившіеся при немъ Русскіе измѣнники, Салтыковы, Андроновъ, и другіе, для его собственной пользы убѣждали его подкрѣпить войска, находившіяся между Смоленскимъ и Москвою, и что необходимо послать туда военачальника опытнаго и искуснаго, предоставивъ ему власть надъ разсѣянными по разнымъ мѣстамъ отрядами, и чрезъ это прекратить взаимную ихъ независимость, которая была первою причиною всѣхъ неудачъ. Королю хотѣлось поручить сіе Брацлавскому воеводѣ Яну Потоцкому, но онъ подъ разными предлогами отъ сего уклонился, и мѣсто его заступилъ гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, съ того времени сдѣлавшійся равно знаменитымъ въ Русской и въ Польской исторіи. Мужество и прозорливость его давно уважали. Онъ за нѣскольکو лѣтъ сдѣлался извѣстенъ, счастливо прекративъ мятежъ въ Данцигѣ и потомъ столь же удачно усмиривъ Казаковъ. Но князь Дмитрій Шуйскій, не понимая, что успѣхъ всякаго дѣла болѣе всего зависитъ отъ человѣка, которому поручено оно, равнодушно, даже съ радостію узналъ, что гетманъ съ двумя тысячами конницы и тысячею пѣхоты приближался къ Бѣлой, которую Госѣвскій упорно защищалъ противъ Шведскаго генерала Горна и князя Хованскаго. Будучи моложе его, гордясъ числомъ своихъ воиновъ, особенно же увѣ-

репный въ превосходствѣ собственныхъ дарованій, князь Шуйскій, ежедневно посылая гонцевъ къ Царю, увѣрялъ его, что слабый отрядъ Жолкѣвскаго, изнуренный походомъ, нуждается притомъ и въ продовольствіи : то перевозносилъ онъ преданность своихъ воиновъ, какъ Русскихъ, такъ и иноземцевъ; то заранѣе хвалился важными слѣдствіями побѣдъ своихъ. Нѣсколько разъ онъ назначалъ день сраженія , но потомъ увѣдомлялъ, что отложилъ его, ожидая , чтобы всѣ Польскія войска соединились , съ намѣреніемъ разомъ ихъ истребить.

Между тѣмъ, какъ письма князя Дмитрія питали въ сердцѣ Царя сладкія ожиданія, привозившіе ихъ гонцы распускали въ Москвѣ совсѣмъ противныя слухи о смѣлости и храбрости Жолкѣвскаго, о уныніи Русскаго войска, о наглости, корыстолюбіи и предательскомъ духѣ иноземцевъ. Равнодушные къ безславію и страданіямъ отечества , но готовые всѣмъ жертвовать сохраненію собственныхъ выгодъ, царедворцы, до рѣшительной минуты, искусно скрывая чувства свои и намѣренія, старались по прежнему угождать Государю притворнымъ убѣжденіемъ въ мужествѣ и прозорливости брата его князя Дмитрія, и насмѣшливо толковали о малыхъ силахъ Жолкѣвскаго, и какъ будетъ наказана его дерзость.

Стремясь вѣрить искренности своихъ приближенныхъ, Василій Іоанновичъ однако невольно тревожился, что князь Дмитрій слишкомъ медлитъ нападеніемъ. Наконецъ прошелъ день, потомъ и другой, и не было вѣстниковъ. Государь на всѣхъ лицахъ замѣтилъ мрачную заботливость, но никто не хотѣлъ ее объяснить ему, и онъ не въ силахъ будучи скрывать смертельное свое безпокойство, чтобы преждевременно, и какъ онъ еще льстился, напрасно не встревожить юную супругу свою, вздумалъ самъ ѣхать по Можайской дорогѣ, въ надеждѣ встрѣтить гонца, съ судорожнымъ нетерпѣніемъ имъ ожидаемаго. Не сказавъ, куда онъ поѣдетъ, онъ къ общему удивленію взялъ съ собою только околичнаго Головина, извѣстнаго недоброжелателя брата его князя Дмитрія, и котораго вообще за его неизмѣнную правдивость, неприправленную лестью, называли при дворѣ человѣкомъ грубымъ, закоснѣлымъ въ невѣжествѣ и предразсудкахъ.

Когда князь Дмитрій Шуйскій назначенъ былъ главнымъ воеводою, Головинъ громко объявилъ, что доказавъ во многихъ случаяхъ готовность свою пролить кровь за Государя и отечество, онъ теперь останется празднымъ зрителемъ предстоящихъ происшествій, не сомнѣваясь, что усердіе и самая смерть его были бы совершенно

бездельны, и желая по-крайней-мѣрѣ избавиться отъ тяжелой скорби быть участникомъ бѣдствій, грозящихъ Россіи. Такое явное порицаніе поступка его, на который рѣшился онъ по общему совѣту бояръ, жестоко оскорбило Василю Іоанновича, и только близкое родство Головина съ покойнымъ княземъ Михаиломъ спасло его отъ опалы. Съ тѣхъ поръ Головинъ жилъ уединенно, проводя большую часть времени съ княгинями Скопинскими, и посѣщая патріарха, искренно его уважавшаго, хотя и тотъ нерѣдко его укорялъ въ излишней крутости, жалѣя, что онъ раздражая этимъ Царя, приученнаго къ общему раболѣпству, не допускалъ его пользоваться его безкорыстными услугами. Головинъ въ этомъ не соглашался, утверждая, что должно судить людей, не по рѣчамъ, а по дѣламъ ихъ, и совершенно преданный святителю, продолжалъ его увѣдомлять о всемъ, что слышалъ замѣчательнаго. Но тщетно патріархъ старался обуздать возрастающій ропотъ и волненіе умовъ, и Царь и народъ, истинно къ нему благоговѣя, съ равнымъ ослѣпленіемъ оставляли безъ вниманія его совѣты, какъ будто страхась разсуждать, или воображая, что въ обстоятельствахъ столь трудныхъ должно отдаться на произволъ судьбы.

Получивъ приказаніе немедленно явиться во

дворецъ, Головинъ поспѣшно исполнилъ его, хотя и не предвидѣлъ ничего для себя пріятнаго, всегда стремясь повиноваться Государю, какъ скоро не могъ опасаться повредить этимъ его собственному благу. Давно не видавъ Василю Іоанновича, онъ былъ пораженъ его перемѣною, блѣдность его и задумчивость живо его тронули, и онъ исполненный истинной чувствительности, только не умѣя щеголять ею, поклонился Государю въ землю и съ умиленіемъ поцѣловалъ у него руку.

— Здравствуй, Семенъ Васильевичъ! Въ силахъ ли ты проѣхать со мною на конѣ верстъ десяткъ, а статья можетъ и поболѣе? благосклонно спросилъ Государь. Погода плохая и мои мозоли дождь пророчать, но медикъ мой, Нѣмецъ Вазмеръ, прожужжалъ мнѣ уши, что я засидѣлся, и что отъ этого часто кружится у меня голова.

— О, кабы только отъ этого, вскричалъ Головинъ, легко было бы помочь твоей милости! Великій Государь! прибавилъ онъ, поклонясь объ руку; я радъ душевно провожать тебя, хоть до... Можайска.

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать такъ далеко, сказалъ Василій съ невольнымъ ужасомъ? Сегодня долженъ пріѣхать гонецъ отъ брата Дмитрія; я жду отъ него радостныхъ вѣстей, помолчавъ прибавилъ онъ твердымъ голосомъ.

Садясь на лошадь, Царь оперся о плечо окольного, но проѣзжая городомъ не сказалъ ему ни слова, и даже не посмотрѣлъ, близко ли онъ за нимъ слѣдуетъ. У Серпуховскихъ воротъ, Василии Іоанновичъ остановился, и приказавъ Головину ѣхать съ нимъ рядомъ, а стражамъ только не терять его изъ виду, поворотилъ на Можайскую дорогу.

— Видишь ли, Семенъ, сказалъ Государь съ принужденною улыбкою; какъ я тебя слушаюсь; ты только намѣкнулъ о Можайскѣ, я тотчасъ туда и отправился!

— Не дивлюсь этому, великій Государь! Теперь въ этомъ краю всѣ твои думы, а два дня уже ничего оттуда не слышно.

— Такъ что же, долго ли время два дня?

— Очень коротко, когда все благополучно; но среди смутъ и крамолъ, въ два дня можно придумать много зла.

— Семенъ! сказалъ Государь: мнѣ захотѣлось поговорить съ тобою, потому что ты ни разу не солгалъ мнѣ. Мнѣ что-то нынче сдается, что около меня всѣ только морочатъ глаза мнѣ; скажи-ка ты, что въ Москвѣ толкуютъ о нашей рати? О Гетманѣ Желтовскомъ? Откуда знаютъ, что два дня не бывало вѣстника? Кто распускаетъ вредные мнѣ слухи? Иѣтъ ли на меня злыхъ умысловъ?

Эти вопросы, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, свидѣтельствовали, какъ жестоко взволнована душа Василія Іоанновича; какъ радъ онъ облегчить ее откровенною бесѣдою.

— Слышалъ я, отвѣчалъ Головинъ, что измѣнники Мишка Салтыковъ и Федька Андроновъ, пишутъ чудеса о панѣ Желтовскомъ, славя его умъ и смѣлость. И должно вѣрить, что онъ точно безстрашенъ, видя какъ онъ, что называется съ горстью воиновъ не побоялся итти въ чужую землю, противъ многочисленной нашей рати. Это заставляетъ еще думать, что ему извѣстно все, что у насъ дѣлается, и что у него, и при братцѣ твоёмъ князя Дмитріѣ Ивановичѣ, и при тебѣ самомъ, великій Государь, надежные помощники.

— Но кто эти помощники? Кто они? съ горячностью спросилъ Царь?

Головинъ задумался. Пылающіе взоры Царя были на него устремлены; казалось онъ по выраженію лица его, по движенію его рукъ желалъ угадать имена враговъ своихъ.

— Что же ты молчишь, продолжалъ Царь: неужели и ты радѣешь о измѣнникахъ, губящихъ землю нашу, болѣе нежели о пользѣ общей?

— Согрешилъ я окаянный, сказалъ Головинъ: не разъ уже ропталъ на волю Божию, что не могу угадывать чужія мысли. Дѣла твои, Государь,